
А. Е. ЖУКОВ

ЛЕТОПИСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ О МОСКОВСКИХ ПОЖАРАХ 1547 г.*

Пожары апреля–июня 1547 г., ставшие одним из самых разрушительных бедствий, постигших средневековую Москву, неоднократно становились объектом изучения в историографии. В первую очередь внимание исследователей привлекали вопросы, связанные с последствиями этих событий (июньское восстание 1547 г. и ослабление влияния Глинских). Однако проблема освещения этих событий в памятниках исторической книжности изучена в меньшей степени. Единственный опыт комплексного анализа известий о событиях апреля–июня 1547 г. представлен в работе С. О. Шмидта «Становление российского самодержавства»¹. Однако некоторые моменты, связанные с характеристикой известий о московских пожарах в памятниках русского летописания середины XVI в., нуждаются в уточнении. Данное обстоятельство заставляет обратиться к этой теме вновь. В настоящей статье мы рассмотрим известия о московских пожарах 1547 г. в памятниках русского летописания середины XVI в. Мы не будем обращаться к описанию этих событий в исторических трактатах (таких, как Степенная книга) и памятниках летописания третьей четверти XVI в. (Царственная книга). Предметом нашего исследования будут известия, записанные спустя короткое время после пожаров.

С. О. Шмидт рассмотрел комплексы известий о московских пожарах в нескольких памятниках русского летописания. В первую очередь, исследователь дал характеристику статей о бедствиях апреля–июня 1547 г. в «Летописце начала царства». Относительно круга создателей данного произведения в историографии высказывались различные предположения. По мнению Н. Ф. Лаврова, памятник был создан в окружении митро-

* Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15-31-01017 «Славяно-русские рукописи первой половины XVI века Библиотеки Российской Академии наук: исследование и подготовка каталога».

¹ Шмидт С. О. Становление российского самодержавства : Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973. С. 16–30.

полита Макария². Другое предположение высказал А. А. Зимин. По его мнению, «Летописец...» был создан в кругах «Избранной рады»³. Таким образом, вопрос о круге создателей «Летописца начала царства» остается дискуссионным. Однако исследователи признают его памятником официального летописания. Текст «Летописца...» сложился в середине 50-х гг. XVI в.⁴ В комплекс известий входят две летописные статьи о пожарах 12 и 20 апреля, статья о падении колокола-благовестника и статья об июньском пожаре.

Известия о пожарах 1547 г. вошли в летописный Отрывок, отразившийся в рукописях: БАН. Архангельское собр. Д. 193 (далее — Академический список); РГАДА. Ф. 181 (собр. МГАМИД). № 385 (далее — Архивский список)⁵. Кроме статей о пожарах в Отрывок вошли известия за 1547 г. о венчании Ивана IV на царство, о свадьбе великого князя, об иерархии монастырей и о падении колокола, а также текст «О трусе» 7050 (1542) г.⁶ Возможно, Отрывок является частью несохранившегося летописного памятника. По предположению С. О. Шмидта, это фрагмент митрополичьего летописания⁷. Действительно, в известии о пожаре 21 июня 1547 г. в Отрывке читаются похвалы митрополиту Макарию, отсутствующие в других памятниках⁸. Кроме того, в нем сообщается о беседе государя и владыки после пожара, где последний просит царя помиловать опальных⁹. Таким образом, содержание Отрывка подтверждает догадку С. О. Шмидта. Академический список датируется серединой XVI в., Архивский — XVII в. Следовательно, текст Отрывка возник спустя короткое время после описываемых событий. В нем, как и в «Летописце начала царства», отразились известия о двух апрельских пожарах, падении колокола и одном июньском пожаре. Примечательно, что первый апрельский пожар отнесен к 12 апреля, точная же дата второго пожара, разгоревшегося за Яузой, не указана, однако сообщается, что он произошел «того пожара минув три дни»¹⁰. Таким образом, он отнесен к 15 апреля 1547 г.

² Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи // ЛЗАК за 1926 г. Л., 1927. Вып. 1 (34). С. 89.

³ Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники : Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 38.

⁴ Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи. С. 89.

⁵ Изд.: Жарков И. А. К истории московских пожаров 1547 г. // Исторический архив. М., 1962. № 3. О нем: Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 77–79.

⁶ БАН. Арханг. Д. 193. Л. 360–361 об. Датировку рукописи см.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1965. Т. 3, вып. 2. С. 126–133.

⁷ Шмидт С. О. Становление российского самодержавства ... С. 25.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Известия о Московских пожарах вошли в состав Постниковского летописца. Его текст известен в одном-единственном списке 60-х гг. XVI в.¹¹ По мнению М. Н. Тихомирова, автором Постниковского летописца мог быть Постник Губин, который принадлежал к роду потомственных великокняжеских дьяков¹². Составитель Постниковского летописца был хорошо осведомлен о подробностях московской придворной и посадской жизни середины XVI в.¹³ В описании московских пожаров памятник также содержит ряд уникальных сведений апреля–июня 1547 г. В нем читаются известия о двух апрельских (12 и 20 апреля) и одном июньском (21 июня) пожарах.

Одним из наименее изученных памятников русского летописания XVI в. является так называемая Хронографическая летопись. Ее текст был опубликован С. О. Шмидтом¹⁴. Рукопись, по которой исследователь издал Хронографическую летопись, была написана в начале третьей четверти XVI в.¹⁵ Изучение этого источника находится на начальном этапе, хотя С. О. Шмидт отмечал первостепенную важность Хронографической летописи для истории XVI в. Именно в ней были обнаружены сведения о соборе примирения 1549 г. Кроме того, упоминание о московском вече в описании восстания 26 июня, по мнению исследователя, меняет само представление о характере данного события¹⁶. В Хронографической летописи описаны три пожара. Первый произошел на Святой неделе во вторник в Китай-городе. Имеется в виду пожар 12 апреля. Оригинальным образом описан в Хронографической летописи второй пожар: «И того же лета, **июня**, загореся за [Яузою] на другом дворе за Жокулины[м дво]ром, дворы многие погорели»¹⁷. Таким образом, ее составителю было известно об еще одном пожаре, который произошел за Яузой, но не 20 апреля, а в июне. Упоминания о нем отсутствуют в других источниках.

Особое место среди летописей, содержащих известия о пожарах 1547 г., занимает Новгородская летопись по списку Н. К. Никольского¹⁸. В отличие

¹¹ Постниковский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 3.

¹² Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 171.

¹³ Там же. С. 169.

¹⁴ Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. М.; Л., 1951. Вып. 7. С. 254–299.

¹⁵ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1940. Т. 1. С. 134, 162; Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 256.

¹⁶ Шмидт С. О.: 1) Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 258; 2) Становление российского самодержавства ... С. 28.

¹⁷ Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 292.

¹⁸ Новгородская IV летопись // ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4, ч. 1. Вып. 3. С. 620. Новгородская летопись по списку Н. К. Никольского представлена единственным списком (БАН. Собр. Н. К. Никольского. № 12). К XVI в. относится первая ее часть. Водяной знак бумаги: Кувшин под полумесяцем с литерами ИВ (вид: Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. 3. № 1709 — 1544 г.; близкий знак, но без литер — Briquet C. M. Les filigranes. IV : Watermark illustrations. Nos. 7878–16112. Amsterdam : The Paper publications society (labarre foundation). MCMLXVIII.

от прочих летописей, она отражает новгородский взгляд на события. В данном памятнике читается одно-единственное известие о московском пожаре 21 июня 1547 г., при этом многие сведения, сообщаемые в Новгородской летописи по списку Н. К. Никольского, уникальны.

Кроме того, комплекс известий о пожарах 1547 г. вошел в краткий Летописец Игнатия Зайцева, опубликованный А. А. Зиминым. Данный памятник находится в составе Часослова РГБ, собр. Волоколамского монастыря № 362. Основной текст «Летописца...» был составлен в 1555–1556 гг. После краткого введения Игнатий Зайцев пишет преимущественно о событиях 1547–1552 гг.¹⁹ В «Летописце...» отразились известия о пожаре 12 апреля и великом пожаре 21 июня 1547 г. Примечательно, что данный памятник не был рассмотрен С. О. Шмидтом.

Охарактеризованные выше памятники появились в 50-е гг. XVI в. и представляют особую ценность для изучения пожаров апреля–июня 1547 г., поскольку их создатели могли контактировать с очевидцами описываемых событий или же лицезреть происходившие бедствия лично. Попытаемся определить взаимоотношения рассматриваемых памятников.

По предположению С. А. Морозова, «Летописец начала царства» и Постниковский летописец восходят к общему протографу, летописцу 1547 г. Исследователь считал, что в обоих памятниках текст данного источника подвергся редакторской правке²⁰. Однако на материале известий о московских пожарах данное предположение не подтверждается, поскольку известия «Летописца начала царства» и Постниковского летописца не содержат дословных совпадений. В них сообщаются иногда одни и те же

Nos. 12817 (1545 г.). Таким образом, рукопись может быть отнесена к 40-м гг. XVI в. Текст на л. 1–37 об. написан темными чернилами, инициалы и заголовки киноварные. По мнению О. Л. Новиковой, это текст Новгородской IV летописи старшей редакции с некоторыми изменениями. Текст на л. 38–46 об., по мнению исследовательницы, представляет собой необработанные известия новгородского происхождения (*Новикова О. Л.* Новгородские летописи XVI века : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. С. 114–124). По мнению С. О. Шмидта, это черновой текст (*Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства ... С. 29). Новгородскую летопись по списку Н. К. Никольского можно назвать «пожарной» (за подсказку этой мысли приносим благодарность Э. А. Гордиенко). К событиям подобного характера составитель проявлял повышенный интерес. На полях первой части рукописи, где присутствуют киноварные заголовки, мы часто встречаем пометы «пожар» возле соответствующих известий (см. л. 6 об., 12 об., 14 об., 18 об., 26 об., 31 об., 32 об., 33 об., 36). Впрочем, встречаются и другие пометы: *мор* (л. 12 об., 33 об., 35 об.), *глад* (л. 13, 27 об.), *бой* (13 об.). Во второй части рукописи подобного рода помет нет. Но показателен сам состав известий. Составитель летописи продолжает фиксировать сведения о пожарах, эпидемиях и т. д. Большинство сведений о стихийных бедствиях, обозначенных в Новгородской летописи Никольского, связано с Великим Новгородом и Псковом. Исключением является известие о московском пожаре 1547 г.

¹⁹ *Зимин А. А.* Краткие летописцы // Исторический архив. М. ; Л., 1950. Вып. 5. С. 4.

²⁰ *Морозов С. А.* К изучению источников Постниковского и Пискаревского летописцев // Летописи и хроники : сб. статей / отв. ред. В. И. Буганов. М., 1984. С. 60–62.

факты. Однако данное обстоятельство не свидетельствует о восхождении к общему протографу. Постниковский летописец и «Летописец начала царства» были созданы спустя небольшое время после пожаров. Их составители могли быть очевидцами описываемых событий или контактировать со свидетелями. Таким образом, сходство в изложении фактов между двумя этим памятниками не обязательно объяснять использованием общего письменного источника.

С. О. Шмидт выдвинул гипотезу о взаимоотношениях «Летописца начала царства» и Отрывка. Исследователь полагал, что Отрывок мог быть источником «Летописца начала царства» в фрагменте, повествующем о московских пожарах. С. О. Шмидт обосновывал данное предположение фактологическим и стилистическим сходством двух памятников²¹. Однако примеров дословного совпадения текстов обоих памятников исследователь не привел.

На протяжении большей части текста «Летописец начала царства» и Отрывок не содержат текстуальных совпадений. Более того, они существенно расходятся в описании некоторых ключевых фактов. Как уже было упомянуто выше, второй апрельский пожар за Яузой в Отрывке отнесен к 15 апреля, в то время как в «Летописце начала царства» и Постниковском летописце — к 20-му²². В известиях об апрельских пожарах Отрывок сообщает уникальные сведения о количестве сгоревших дворов, которые не отражены в «Летописце начала царства»²³. С другой стороны, в «Летописце...» указано количество людей, сгоревших в пожаре 21 июня: «Во един час многое множество народу згореша 1700 мужеска полу и женска и младенец, множество народа гореша по Тверской улице и по Дмитровке и на Большом посаде по Ильинской улице в Садах»²⁴. В Отрывке эти сведения отсутствуют.

Кроме того, описание пожара 21 июня 1547 г. отличается в обоих памятниках по структуре изложения. Например, в Отрывке читается список погоревших улиц: «От пожару возле Москву реку дворы выгорели по обе стороны улицы **Чертьорьския** и до всполья. Вторая улица выгорела по обе стороны дворы **Арбатская**. 3-я улица от пожару выгорела и до всполья **Въздвигеньская**. 4-я улица выгорела **Никитская** от пожару и до всполья. 5-я улица выгорела от пожару и до всполья **Леонтьевская**. 6-я улица выгорела от пожару и до всполья **Тверьская**. 7-я улица выгорела от пожару и до сполья **Дмитровская**. 8-я улица выгорела от пожару и до всполья **Петровская**. 9-я улица выгорела от пожару и от пушечных изб **Рождественская**. Десятая **Стретеньская** по Стефан Святый. 11 **Грибневская** мало не

²¹ Шмидт С. О. Становление российского самодержавства ... С. 25.

²² Летописец начала царства // ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 51; Постниковский летописец. С. 29; БАН. Арханг. Д. 193. Л. 362.

²³ БАН. Арханг. Д. 193. Л. 362.

²⁴ Летописец начала царства. С. 54.

до сполья. 12 **Мясники** мало не до сполья же. 13 **Покровская** по тому же. 14 **Великая** улица выгоре возле Москву реку по Язузу»²⁵. Данный фрагмент выстроен по определенному формуляру. В каждом высказывании указаны порядковый номер улицы, ее наименование. Далее сообщается, до какого места сгорели постройки. В описании используются одинаковые формулировки: «до сполья», «выгорела от пожару». Таким образом, текст Отрывка здесь по форме сходен с делопроизводственным документом. В «Летописце начала царства» приводится более свободное описание сгоревших в июньском пожаре построек. Во-первых, улицы не выстроены в форме списка с порядковыми номерами. Во-вторых, указано меньшее количество улиц. При этом есть сведения о постройках, сгоревших на Варварской, Никольской и Смолиной улицах, которые не указаны в Отрывке²⁶. Таким образом, в «Летописце начала царства» читаются сведения, отсутствующие в Отрывке. С другой стороны, не все факты, изложенные в последнем, нашли отражение в «Летописце...». Оба памятника существенно отличаются не только в описании событий, но и по структуре изложения. Стилистического сходства между двумя памятниками не обнаруживается. Изложенные обстоятельства заставляют усомниться в гипотезе С. О. Шмидта о восхождении «Летописца...» непосредственно к Отрывку.

С другой стороны, следует отметить также ряд сходств между двумя памятниками. Во-первых, только в Отрывке и в «Летописце...» в комплекс известий о пожарах 1547 г. вошли одни и те же статьи: известия о двух апрельских пожарах, о падении колокола-благовестника и о великом пожаре 21 июня 1547 г. В прочих памятниках состав статей отличается. В частности, в них отсутствует известие о падении колокола. Во-вторых, в «Летописце начала царства» и Отрывке сходно описан пожар в Чудовом монастыре. В «Летописце...» читается: «А во граде все дворы и полаты погоряше и Чюдовской монастырь выгоре весь, едины мощи святаго великаго чудотворца Алексея Божиим милосердием сохранены бысть, а старцов згореша по погребом и по полатам **18**, а слуг **8**, а запас монастырской весь сгоре»²⁷. В Отрывке: «И митрополичь двор весь выгорел и монастырь Чюдовской. Многоцелебныя же мощи Алексея чудотворца вынесоша ис теплыя церкви, поставиша в большой церкви въ Архаггеле. Единех черньцов **26** згорело в том монастыре и подхнулись»²⁸. Таким образом, в обоих памятниках указано одно и то же количество сгоревших в Чудовом монастыре — 26 человек. Но если в «Летописце начала царства» отдельно записано число старцев и слуг, то в Отрывке приводится общая цифра погибших. В-третьих, в одном фрагменте текст обоих памятников совпадает дословно. Приведем его в таблице ниже:

²⁵ БАН. Арханг. Д. 193. Л. 364–364 об.

²⁶ Летописец начала царства. С. 52.

²⁷ Там же.

²⁸ БАН. Арханг. Д. 193. Л. 363 об.–364.

«Летописец начала царства» (ПСРЛ. Т. 29)	Отрывок с известиями о московских пожарах (БАН. Арханг. Д. 193)
<p>Сия вся наведе на ны Бог грех ради наших понеже множество согрешихом и безаконовахом, Бог же праведным своим судом приводя нас напокаяние ово убо пожаром ово убо гладом, ово же убо ратных нахождениемь ово убо мором. Прежде убо сих времен памятные книзи временныи пишут, таков пожар не бывал на Москве <...>. А после пожару стоял царь князь великий в своем селе в Воробьеве и с своею царицею с великою княгинею Анастасиею и з братом своим князем Георгием Васильевичем и з бояры (С. 54)</p>	<p>Сия злоба сключися великии пожар за умножение грех наших и неправд. Богу попушающу казнь на ны, овогда пожаром, овогда ратню и междоусобною бранию, овогда мором и напрасною смертию, нас грешных на разум наводя. А летописец и старые люди сказывают: «Таков пожар на Москве не бывал». Тогда же стоял князь велики в Воробьеве в селе своем. Бе бо церкви та соборная невредима от бывшего пожару молением пречистые владычици наша Богородица, толико во пророцех вверху три иконы загорелися, были с нижних поль и прилучишася подьяки и угасиша и образов тех не вреди огонь (Л. 367 об.–368)</p>

Выделенные фрагменты в двух памятниках совпадают почти дословно (расхождения крайне незначительны). Кроме того, в «Летописце начала царства» и Отрывке дается отсылка к некоему летописному памятнику, из которого они черпали сведения («книги временные» и «летописец» соответственно). Следовательно, оба произведения восходят в данном фрагменте к общему источнику. Если бы в данном источнике содержалось пространное известие о пожаре 21 июня 1547 г., то количество дословных совпадений между «Летописцем начала царства» и Отрывком было бы большим. Вероятно, общим источником двух этих памятников был краткий летописец, который не содержал подробного описания событий.

В Летописце Игнатия Зайцева текст известия о пожаре 21 июня выглядит следующим образом: «Того же лета месяца июня 21 на Москве пожар был великий, посады многие погорели и людей много в посадах горело и Чюдовской монастырь выгорел и старцев много погорело. И стары люди за многие лета не помнят таково пожару. И в церквах каменных и поклажаи и в полатах великого князя погорело»²⁹. Примечательно то обстоятельство, что в нем, как и в Отрывке, содержится отсылка к словам старожилков о том, что ранее такого пожара не случалось, ссылка же на «летописец» или «книги временные» отсутствует. Предположение, что «Летописец начала царства» и Отрывок восходят непосредственно к Летописцу Игнатия Зайцева, кажется нам маловероятным по двум причинам. Во-первых, если прав А. А. Зимин, данный памятник появился несколько позже двух первых. Во-вторых, в Летописце Игнатия Зайцева отсутствуют известия о втором апрельском пожаре и о падении колокола, которые читаются в «Летописце

²⁹ Зимин А. А. Краткие летописцы. С. 16.

начала царства» и Отрывке. Таким образом, более вероятно, что все три памятника восходят в известиях о пожарах 1547 г. к общему источнику.

Новгородская летопись Н. К. Никольского содержит оригинальное, хотя и краткое известие о пожаре 21 июня 1547 г. Доказать, что оно восходит к одному из известных памятников, затруднительно, поскольку текстовых совпадений с другими летописными статьями не обнаруживается. Однако в Новгородской летописи по списку Н. К. Никольского сообщаются дополнительные сведения, отсутствующие в других памятниках. Особый интерес представляют приписки, выполненные писцом Новгородской летописи по списку Н. К. Никольского. В одной из них сообщается, что пожар продолжался 6 часов³⁰. Это уточнение отсутствует в других источниках. Однако наиболее важные по содержанию приписки относятся даже не к пожару 21 июня, а к последовавшему за ним восстанию москвичей. Так, в Новгородской летописи по списку Н. К. Никольского сообщается, что в волнениях приняли участие «москвичи **большие** и черные люди», причем слово «большие» приписано над строкой³¹. Таким образом, редактор сделал важное уточнение относительно социального состава восставших. Кроме того, в Новгородской летописи по списку Н. К. Никольского сообщается, что восставшие выступили против Глинских потому, что считали «бутто они велели зажигати Москву и **сердечники о них же**, нороя приходу иноплеменных»³². Сведения о сердечниках были приписаны над строкой. Смысл этой приписки в контексте известия Новгородской летописи по списку Н. К. Никольского остается непонятным. Уточнить ее значение можно, обратившись к тексту Постниковского летописца. В последнем читается, что после пожара 20 апреля «зажигальников многих имали и пытали их. И на пытке они сами на себя говорили, что они зажигали. И тех зажигальников казнили смертною казнью, глав им секли и на колье их сажали и в огонь их в те же пожары метали. А после того же лета явились на Москве по улицам и по иным городом, и по селом, и по деревням многие сердечники, выимали из людей сердца»³³. Можно предположить, что уже между апрелем и июнем по городу ходили слухи о поджогах, но с Глинскими их не связывали. Это была первая стадия бытования слухов о деятельности сердечников и поджигателей, которая отразилась в Постниковском летописце. Лишь после пожара 21 июня народная молва приписала поджог и колдовство злему умыслу Глинских. Эта заключительная стадия бытования слухов о сердечниках и поджигателях нашла отражение в Новгородской летописи по списку Н. К. Никольского. Определить, каким образом сведения о сердечниках стали известны новгородскому летописцу, затруднительно.

³⁰ БАН. Собр. Н. К. Никольского. № 12. Л. 44 об.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Постниковский летописец. С. 29.

Текст известий о пожарах в Хронографической летописи не содержит дословных совпадений с другими памятниками. В ней сообщается, какие постройки не сгорели в ходе пожара: «А не горело в городе в Пречистой соборной церкви да во Архангеле, да казна великия княгини не горела в полате у Лазаря святого»³⁴. В статьях других памятников эти подробности отсутствуют. Кроме того, как уже было упомянуто выше, в Хронографической летописи читается известие об июньском пожаре за Яузой. Эти сведения отсутствуют в других памятниках. Все вышеизложенное заставляет предположить, что ни один из памятников русского летописания не был источником Хронографической летописи в известии о пожаре 21 июня 1547 г. Таким образом, текст данного памятника оригинален.

В связи с взаимоотношениями летописных известий о пожарах 1547 г. хотелось бы обратить внимание на еще одно обстоятельство. В Хронографической летописи, «Летописце начала царства» и Новгородской летописи по списку Н. К. Никольского в конце известия о пожаре 21 июня указано число людей, погибших во время бедствия. В «Летописце начала царства» сообщается, что 1700 «народу сгореша мужеска полу и женска»; в Хронографической летописи приводится цифра «3700»; в Новгородской летописи по списку Н. К. Никольского сообщается, что погибло 2700 человек. Таким образом, отличается указание на число погибших в тысячах, но во всех трех случаях читается число 700. Можно предположить, что цифра 700 читалась в общем источнике всех трех памятников, в то время как указание на число в тысячах не читалось или было непонятно написано. Однако возможно и другое объяснение. Я. Г. Солодкин обратил внимание на то обстоятельство, что число 700 довольно часто встречается в летописных известиях при описании каких-либо событий. По мнению исследователя, оно имело для летописцев символическое значение³⁵. Таким образом, полагать, что в Хронографической летописи, «Летописце начала царства» и Новгородской летописи по списку Н. К. Никольского был использован общий источник, нет оснований.

Таким образом, все рассматриваемые комплексы известий о московских пожарах 1547 г. сложились независимо друг от друга. Есть основания полагать, что общий источник известия о пожаре 21 июня был у «Летописца начала царства», Отрывка и Летописца Игнатия Зайцева. Вероятно, однако, это был краткий летописец, в котором событие было описано без подробностей. Для восстановления деталей, связанных с июньским пожаром, составители «Летописца начала царства» и Отрывка обращались к разным источникам. (Возможно, со временем удастся установить, к каким именно.)

³⁴ Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 292.

³⁵ Солодкин Я. Г. Об источниках и авторстве Поволжского летописца начала XVII века // Летописи и хроники : новые исследования. 2013–2014. М. ; СПб., 2015. С. 420.

В заключение хотелось бы рассмотреть вопрос о том, как в летописных памятниках 50-х гг. XVI в. объяснялись причины событий апреля–июня 1547 г. Выше мы уже отметили, что в Отрывке читается пассаж: «...овогда пожаром, овогда ратию и междуособною бранию, овогда мором и напрасною смертию, нас грешных на разум наводя»³⁶. В «Летописце начала царства» читается сходный текст³⁷. Выше мы выдвинули предположение, что в данном фрагменте оба памятника восходят к общему источнику. Более пространную характеристику причин произошедших бедствий дает составитель Новгородской летописи Н. К. Никольского. Он пишет: «Бысть же сей пожар толми грозен, иже в мимошедших прежних летех, в писании обретаемым, трусу и буре и запаления огнем небесным. Подобен же сей пожар тому же, мнети же мнозем людем, яко не просто быти, но акы запаление огня небеснаго»³⁸. Таким образом, в большинстве летописных статей присутствует провиденциальная трактовка произошедших бедствий. Пожары воспринимаются как кара Господняя за грехи.

С другой стороны, в некоторых летописных известиях возникновение пожаров объясняется материалистически. Так, в Отрывке читается: «Бе бо тогда засуха велика»³⁹. Сведения о засухе присутствуют также в Хронографической летописи, но не в повествовании о пожарах, а в известии о несостоявшемся походе государева войска на Казань водным путем⁴⁰. «Летописец начала царства» сообщает о том, что пожар охватил весь город из-за сильного ветра⁴¹.

Необходимо отметить, что в летописных известиях не говорится о поджоге как о причине пожара. Единственное исключение — Постниковский летописец. Однако в последнем эти сведения упоминаются как городские слухи. Составители летописей не связывали пожары с умышленным поджогом. Отсюда вытекает трактовка последовавшего восстания как акта безумия толпы⁴². Таким образом, интерпретация причин событий в летописных известиях резко расходится с городской молвой и представляет нам не народную, а книжную версию произошедшего.

Толкование событий июня 1547 г. как Божьей кары было развито в памятниках последующего периода. В частности, в главе 9 Степенной книги читаем: «Человеколюбивый же Бог своим неизреченным милосердием длъготръпий о наших съгрешениях, ожидая нашего покаяния и не хотяй конечной пагубе предати нас, яко да престанем от злобы и не уповаем на неправедное богатство, еже въскоре минуться, милостивно наказати нас хо-

³⁶ Летописец начала царства. С. 54; БАН. Арханг. Д. 193. Л. 367 об.

³⁷ Летописец начала царства. С. 54.

³⁸ Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4, ч. 1. Вып. 3. С. 620.

³⁹ БАН. Арханг. Д. 193. Л. 362 об.

⁴⁰ Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 52.

⁴¹ Летописец начала царства. С. 51.

⁴² Там же. С. 54.

тый Бог и попусти неправедному богатству огнем истребитися»⁴³. Однако вопрос об эволюции сюжета о пожаре 1547 г. в более поздних памятниках выходит за рамки настоящего исследования.

РЕЗЮМЕ

Пожары 1547 г. стали одним из наиболее разрушительных бедствий, постигших средневековую Москву. Наиболее значительным их последствием стало городское восстание, в ходе которого был убит дядя царя Юрий Глинский. Эти события надолго отложились в исторической памяти и породили богатую повествовательную традицию. Настоящая работа посвящена первому этапу ее формирования — летописным известиям о московских пожарах 1547 г. Рассмотрены летописные записи в составе «Летописца начала царства», «Сказаний о московских пожарах», Постниковского летописца, Хронографической летописи, Новгородской летописи по списку Н. К. Никольского и Летописца Игнатия Зайцева. Эти памятники появились спустя короткий период времени после пожаров. Автор анализирует взаимоотношения рассматриваемых летописей, определяет степень достоверности статей о московских пожарах в них, а также рассматривает вопрос о том, как толковали составители летописных текстов причины пожаров.

SUMMARY

The fires of 1547 became the most destructive disaster was happened in the medieval Moscow. The most significant consequence of the fires was the city uprising, when the uncle of the tsar the prince Yuri Glinskiy was killed. The events were deposited in the historical memory for a long time and gave the birth for the rich narrative tradition. This examination devotes to the first period of it's formation. These was the chronicle articles about the Moscow fires. The records of The «Chronicle of the beginning of the kingdom», the «Sagas about Moscow fire», the Postnikov chronicle, the Chronographic chronicle and the Novgorod chronicle in the copy of N. K. Nikolskiy were analyzed in the investigation. This monuments were created at once after the fires. The author analyzes the relations of this chronicles, considers reliability of the articles about the fires and denotes the interpretation of the fire's reasons in the chronicles.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Летописные известия, пожары, московское восстание 1547 г.

KEYWORDS

Chronicle articles, fires, Moscow uprising of 1547.

БИБЛИОГРАФИЯ

БАН. Архангельское собр. Д. 193.

БАН. Собр. Никольского. № 12.

⁴³ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам тексты и комментарии : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М., 2008. Т. 2 : Степени XI–XVII. Приложения. Указатели. С. 353.

Жарков И. А. К истории московских пожаров 1547 г. // Исторический архив. М., 1962. № 3. С. 223–226.

Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники : Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958.

Зимин А. А. Краткие летописцы // Исторический архив. М. ; Л., 1950. Вып. 5.

Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи // ЛЗАК за 1926 г. Л., 1927. Вып. 1 (34). С. 55–90.

Летописец начала царства // ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 9–116.

Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. 3.

Морозов С. А. К изучению Источников Постниковского и Пискаревского летописцев // Летописи и хроники : сб. статей / отв. ред. В. И. Буганов. М., 1984. С. 59–74.

Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4, ч. 1. Вып. 3.

Новикова О. Л. Новгородские летописи XVI века : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.

Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М. ; Л., 1965. Т. 3, вып. 2 : Исторические сборники XV–XVII вв.

Постниковский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 8–30.

Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.

Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. М. ; Л., 1951. Вып. 7. С. 254–299.

Шмидт С. О. Становление российского самодержавства: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973.

Briquet C. M. Les filigranes. IV : Watermark illustrations. Nos. 7878–16112. Amsterdam : The Paper publications society (labarre foundation). MCMLXVIII.

Piccard G. Wasserzeichen vierfüssler. Stuttgart, 1987. Т. XV.

REFERENCES

- BAN. Arhangel'skoe sobranie. D. 193.
BAN. Sobranie Nikol'skogo. N 12.
Briquet C. M. Les filigranes. IV : Watermark illustrations. Nos. 7878–16112. Amsterdam : The Paper publications society (labarre foundation). MCMLXVIII.
Lavrov N. F. Zаметki o Nikonovskoj letopisi // LZAK за 1926 g. Leningrad, 1927. Вып. 1 (34). S. 55–90.
Letopisecz nachala tsarstva // PSRL. Moskva, 1965. T. 29. S. 9–116.
Lihachev N. P. Paleographicheskoe znachenie bumazhnyh vodyanyh znakov. SPb., 1899. T. 3.
Morozov S. A. K izucheniyu istochnikov Postnikovskogo i Piskarevskogo letopiscezev // Letopisi i chroniki : sbornik statej / отв. ред. V. I. Buganov. Moskva, 1984. S. 59–74.
Novgorodskaya chetvertaya letopis' // PSRL. Leningrad, 1929. T. 4, ch. 1. Vyp. 3.
Novikova O. L. Novgorodskie letopisi XVI veka : dis. ... kandidata filologicheskikh nauk. SPb., 2000.

Opisanie rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk SSSR. Moskva ; Leningrad, 1965. T. 3. Vyp. 2 : Istoricheskie sborniki XV–XVII vv.

Piccard G. Wasserzeichen vierfussler. Stuttgart, 1987. T. XV.

Postnikovskij letopiseecz // PSRL. Moskva, 1978. T. 34. S. 8–30.

Shmidt S. O. Prodolzhenie Chronografa redacczii 1512 g. // Istoricheskij arhiv. Moskva ; Leningrad, 1951. Vyp. 7. S. 254–299.

Shmidt S. O. Stanovlenie Rossijskogo samodержavstva : Issledovanie social'no-politicheskoi istorii vremeni Ivana Groznogo. Moskva, 1973.

Stepennaiya kniga czarskogo rodosloviya po drevnejshim spiskam : teksty i commentarii : v 3 t. / otv. red. M. N. Pocrovskij, G. D. Lenhoff. Moskva, 2008. T. 2 : Stepni XI–XVII. Prilozheniya. Ukazateli.

Tihomirov M. N. Kratkie zametki o letopisnyh proizvedeniyah v rukopisnyh sobraniyah Moskvy. Moskva, 1962.

Tihomirov M. N. Russkoe letopisanie. Moskva, 1979.

Zharkov I. A. K istorii moskovskih pozharov 1547 g. // Istoricheskij arhiv. Moskva, 1962. Vyp. 3.

Zimin A. A. I. S. Peresvetov i ego sovremenniki : Ocherki po istorii russkoj obschestvenno-politicheskoi mysli srediny XVI veka. Moskva, 1958.

Zimin A. A. Kratkie letopistsi // Istoricheskij arhiv. Moskva ; Leningrad, 1950. Vyp. 5.